

Улпан
Сериккызы

Нурса
Миркалиев

ПОЛЯРНОСТЬ

12+

**Улпан Сериккызы
Нурса Nolove Миркалиев
Полярность.
Сборник рассказов**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39423351

SelfPub; 2018

Аннотация

Этот сборник рассказов двух молодых авторов вобрал в себя самые смелые и противоречащие друг другу работы. Откройте для себя современную литературу с новой стороны, наслаждаясь чтением непохожих по своему жанру и содержанию историй: от чистой и невинной любви двух детей до нездоровых и диких фантазий наркомана.

Содержание

Игра	4
Бифуркация	6
Несказка о любви	13
Апологет	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Игра

Пара пытливых глаз в упор смотрела на меня. Зрачки то сужались, то расширялись по мере считывания информации с моей головы. Они будто просверлили дыру где-то посередине лба и по-хозяйски орудовали внутри. Мысль, еще одна... совсем не то. Задумка, какая-то идея, снова мысль. Стратегия! Наконец они нашли то, что искали. Глаза самодовольно зажмурились, смакуя очередной ход наперед.

Я перевела взгляд на доску и оценила складывающуюся ситуацию. Ферзь соперника уверенными шагами переступал ту невидимую черту, что была проведена еще в начале игры. Я представляла, как вражеская армия корчится в предсмертной агонии, пока мои солдаты яростно пожирают ее подданных один за другим. Но картина разлинованного вдоль и поперек поля красноречиво говорила о другом. Я беззвучно сглотнула, надеясь, что глаза не раскроют мой страх. Думай, думай, думай! Зрачки вновь расширились, будто учуяв торопливый прилив новых мыслей.

Теперь все мои ходы были нацелены на защиту короля, пока его ферзь, словно коршун, бесцеремонно кружил по вражеской территории. Я снова сглотнула. Небольшая венка набухла у левого виска, оголив весь мой страх и отчаянье. Я оторвала взгляд от доски, чтобы убедиться, что они догадались. Глаза, как и прежде, смотрели в упор, на этот раз, излу-

чая самозабвенную и бесповоротную решительность. Свернув чуть влево, в район моего виска, и окончательно убедившись в своей гениальности, они ехидно прищурились. Мой взгляд ясно говорил, что я его недооценила. Чтобы стать умней, нужно выбирать соперника умней себя – эту мантру я заучила еще в детстве. Но оступилась лишь раз, полагая, что он никак не может быть искусенней меня. Глаза прочитали это все на моем лице и, как в самый первый раз, самодовольно ослабились.

Шах и мат.

Я смотрела на свою жертву, которая чуть пригубив победу, моментально потеряла голову. Чувство собственной важности терпким вином ударило в виски, разливаясь по всему телу. Красивые глаза снисходительно взглянули на меня, нашептывая, что это всего лишь игра. Да, игра. Глаза уже потеряли бдительность и не смогли прочесть, что было написано на мне в тот момент. Я твердила вторую мантру, которую выучила одновременно с первой. "Найди слабое место жертвы и дай ей немного того, чего ей так хочется".

Наконец и я зажмурила глаза. На этот раз победа досталась слишком легко.

Бифуркация

Теплые лучи гладили щеку Томасу Нэро. Он старался сидеть неподвижно, чтобы не упустить приятное ощущение.

– Томас! – окликнули его.

– Что случилось, Корнелия, неужто мы не можем помолчать и насладиться столь нежной погодой, – все также, не шелохнувшись, ответил Томас.

– Можем, если бы ваш дядюшка Шэймус, хоть немного проявил достопочтенное уважение к дамам и перестал издавать этот мерзкий храп, – брезгливо бросила Корнелия.

«Как великолепна Корнелия» – подумалось Томасу, когда он, решил удостоить ее вниманием. Прекрасная светловолосая молодая барышня сидела на мягком пуховом кресле и маленькими глотками отпивала чай с блюдца. Ее оттопыренный кверху мизинчик, когда она держала чашку чая, был прекрасным примером ее утонченного светского воспитания. Будучи дочерью высокопоставленного военного адмирала, было неудивительным ее безукоризненная манера речи без даже малейшей толики ошибок. Каждое слово произнесено четко и с правильно подобранным акцентом. Томас был без ума от Корнелии. Но положение в обществе накладывало на него своеобразное вето на проявление симпатии к ней.

– Он всего лишь спит, Корнелия, если дядюшка мешает,

то вам лучше убрать свое тело из комнаты вон! – прикрикнул Каспер.

Каспер Хогган нелицеприятный тип в компании Томаса. Высокомерный, задиристый, бестактный. Один лишь взгляд на его внешний вид вызывал рвотные рефлексy у людей из круга Корнелии. Ободранные брюки, залатанный местами жакет. Застиранная мозолистыми руками, рубаха, на котором виднелось множество пятен от жира. Корнелия старалась не глядеть в сторону Каспера, чтобы не испортить себе чаепитие.

– Слушайте, мистер Хогган, я обращалась не к вам, так что будьте любезны не вступать со мной в диалог, – фыркнула Корнелия, размахивая веером и продолжая пить чай из блюдца.

– Будьте любезны... Не вступать в диалог... – передразнивал ее Каспер. – Не твое куриное дело вступать мне в диалог или нет.

– Ох, Томас, ответьте же что-нибудь скорее. Оскорбляют даму и я этого не потерплю, – заволновалась Корнелия.

– Каспер, дружище, не нужно так с леди Корнелией. Она может и невыносима порой, но все же женщина, – Томас подмигнул ему.

– Что значит невыносима, Томас?! Знаете что?! Если бы мы жили в средневековье, рыцаря бы из вас не вышло, – насупилась она и демонстративно отвернулась.

– Если бы мы жили в средневековье, я бы был королем, –

усмехнулся Томас и открыл книгу Дэниела Киза.

Каспер улыбнулся, глядя на короткую ссору двух молодых и принялся натачивать ножом спичечную головку. Шеймус Донован пробудился от криков и приподнял краешек широкополой шляпы, чтобы взглянуть на остальных. Поерзав в кресле, он вытащил из кармана длинную самокрутку. Шеймус поджег спичинку о подошву своих ковбойских сапог и смачно затянулся.

– Ну, дядюшка. Я же просил вас не курить в помещении, – раздосадовано произнес Томас.

В ответ Шеймус проворчал, сжимая самокрутку в губах, и положил одну ногу поверх другой. Напоминая пастуха из пустынных равнин Техаса, он не был любителем много болтать. Точнее, он не разговаривал совсем, если не было необходимости. Выдохнув облако густого дыма в сторону Корнелии, он довольно улыбнулся, оголив золотые коронки с промежутками еще целых, но пожелтевших зубов.

– Дядюшка! – вскрикнула Корнелия. – Если вам на меня плевать, подумайте хотя бы о Ричи. Ричард, солнышко, иди ко мне.

Мальчуган лет десяти подошел к Корнелии и встал подле. Рыжие волосы и веснушки на лице были прямой противоположностью идеально белому лицу его сестры. Впервые взглянув на них, сто из ста людей утверждали бы, что Корнелия и Ричард не то чтобы семья, а скорее жители двух противоположных окраин города.

– Тетушка Корнелия, – взмолился Ричи.

– Не называя меня тетушкой, сколько тебе говорить. Я старше не более чем на девять лет. Твое обращение заставляет чувствовать себя старой.

– Сестрица! А можно мне выйти погулять? Я уже устал сидеть здесь.

– Ну, милый мой Ричи. Ты ведь прекрасно осведомлен, пока не придет доктор, нам выходить запрещено. А пока иди в уголок, поиграй с игрушками, – улыбнулась Корнелия и погладила его по голове.

– Мне не хочется играть с твоими старыми куклами. Я мальчик. Я хочу гонять мяч и играть в машинки! – нахмурился Ричи, притопнув ногой.

– Ах, маленький мой братик. Если ты, мой миленький, не будешь играть с тем, что я тебе дала, то можешь забыть о прогулках на свежем воздухе, прыгучем мяче и сказках на ночь. Ты меня понял, мой любимый, братец?

В тоне Корнелии не было ни тона упрека или злобы. Она произносила это с такой легкостью, будто звучание арфы убажали слух окружающих.

– Понял, – сухо ответил Ричи и зашагал в угол.

– Вот и славно, ступай.

За железной дверью послышался стук каблуков, который четким выверенным ритмом становился все громче по мере приближения. Когда стук усилился настолько, что полностью стих, в замочную скважину вошел ключ. Сделав три

оборота, он юркнул обратно назад. Секундная тишина и скрипучий звук тяжелой двери заполнил комнату. В проеме, в белом расстегнутом халате, стоял доктор Бенедикт Дарнелл. Его темно-карие глаза спрятались за блеском прозрачной линзы. Тонкая золотая оправа идеально сидела на лице. Складывалось ощущение, будто эти очки сконструировали специально под его овал. Под белым бездушным, как всегда казалось Томасу, халатом, виднелся аккуратный классический костюм в большую шотландскую клетку. Весь безукоризненный вид Бенедикта портили его часы. Потертый ремешок, что давно требовал замены и старый готический циферблат, что создавал ощущение некой связи доктора с религиозными делами. Врачей, которые имели тесное отношение с вероисповеданием, не особо жаловали в краях Томаса. Отчего он порой сомневался в правоте суждений доктора Бенедикта, хотя безмерно уважал его.

– Как дела мой друг, Томас? – улыбнулся врач.

– Все отлично, Бенедикт. Думаю, мое пребывание здесь окончено. И я премного вам благодарен за ваше содействие, – улыбнулся Томас, закрывая книгу.

– Я того же мнения, поэтому и пришел вас проведать. Коллеги сообщили мне, что вы хорошо себя ведете последнее время. И раз вы говорите, что все отлично, то пора на выход.

Томас положил книгу в портфель и двинулся в сторону выхода. Доктор Дарнелл встретил его объятием и крепко пожал руку. Такое мужское отношение понравилось Тома-

су и он отблагодарил доктора искренней улыбкой. Воздух за спиной Бенедикта был совсем другим, нежели в помещении. Чем-то неизведанным и свежим веяло оттуда. Будто запах ароматного кофе для сонного, обычный воздух коридора завораживал Томаса. Он понимал, что осталось пройти несколько шагов и его легкие заполнятся до краев этим ароматным и пьянящим запахом. Запахом свободы.

– Ну, что же Томас, мы можем отправляться, – Бенедикт похлопал его по плечу.

– С удовольствием!

Томас сделал шаг из комнаты и услышал старый добрый, и такой манящий звук каблуков по кафельному полу коридора. Наконец-то он и сам смог издать его, а не только лишь наслаждаться в редкие визиты доктора Дарнелла.

– Я бы хотел еще кое-что сделать напоследок, ведь я могу не вернуться сюда больше.

– Конечно, все что вам угодно, – насторожился Бенедикт.

Томас поставил свой портфель, повернулся в сторону пустой комнаты и распахнул руки в стороны.

– Друзья мои!

Доктор Дарнелл взглянул на комнату Томаса. Темно-голубые обшарпанные стены, жесткая металлическая кровать в одном углу и деревянный изрезанный стол со стулом в другом. По правую сторону в одиночестве стоял железный унитаз, закрыть который возможно было только маленькой заляпанной ширмой метр на метр. Через маленькое круглое

окошко под потолком спускалась тоненькая лестница Иакова, всеми силами пытаюсь осветить мрачную одинокую темницу.

– Доктор Бенедикт сообщил мне, что я здоров и пришло время прощаться. Каспер, дружище, я покидаю вас и хотел бы поблагодарить за те истории из вашего прошлого. Они скрасили мои скучные вечера. Дядюшка Донован, хоть я и запрещал тебе курить здесь, но мы все-таки родня, так что кури сколько вздумается. Ричи, славный Ричи, я буду скучать по тебе. Надеюсь, в следующий раз мы свидимся, когда ты станешь крепким взрослым парнем. Моя милая Корнелия. Вы знаете, что я вас люблю безмерно и никогда не устану это повторять. Вы светлый лучик, что согревал мои щеки в пасмурные дни. Прощайте, друзья, прощайте!

Томас обернулся, схватил в руки портфель и глубоко выдохнул.

– В путь, доктор?! – воодушевленно вскрикнул он.

Бенедикт Дарнелл еще раз внимательно осмотрел пустую комнату Томаса. Он печально опустил взгляд на него и снял очки. Аккуратно протирая каждую линзу, он с грустью произнес:

– Боюсь, Томас, у нас есть проблема.

Несказка о любви

Жила-была одна девочка с большими карими глазами. Она носила голубое платье в горошек, гуляла по дорожке из солнечных лучей и мечтала. Она сидела на краю своей планеты, взглядом касаясь небесной глади и нежно оттесняя пушистые облака, чтобы увидеть Его.

Жил-был один мальчик с растрепанными черными волосами. Он гулял босиком по влажной траве и наблюдал солнечное затмение, стоя на краю своей планеты. Он складывал образ из мозаики разбросанных звезд, пытаясь, наконец, найти Ее.

Они не знали о существовании друг друга, не слышали томного шепота, не ласкали взором лица, не лежали, обнявшись в ночной тишине, но это не мешало им любить.

Когда она распускала волосы, ветер приносил ему аромат полевых цветов и оставлял нежный поцелуй на лбу. Когда она плакала, небеса трепетали над его планетой и осыпались медовым дождем. А он стоял под ним, жадно вдыхая каждую слезинку, утопая в бескрайности своих грез.

Они встречались лишь во сне, не зная имен друг друга, но безумно любя каждую шероховатость души. Они были безмерно одиноки в этой галактике, и в то же время не было живых душ более счастливых.

Влюбленные неспешно блуждали во Вселенной, задевая

руками звезды, а их планеты встречались в одной точке орбиты каждые тысячу лет. Они любили друг друга и ждали...

В следующий раз их планетам суждено пересечься лишь через сотню лет.

Апологет

– Зачем так много алюминиевого порошка, Симус? – произнес взволнованно Шон.

– Да, заткнись ты уже.

Шон наблюдал, как Симус размешивает сероватую смесь в небольшом железном тазу. Сидя за партой в школе Вествуд, он даже догадываться не мог, где пригодится его неудержимая тяга к химии. Десятки книг за одну неделю поглощались им словно горячие пирожки его миленькой бабули Шейн. Мать работала на швейном заводе, отец служил в местном полицейском участке. Их жалкие гроши, что они называли месячной заработной платой, не могли позволить Шону даже пары добротных сапог. О нескольких стеклянных колбах и одной горелке бунзена он мог только мечтать. Учитель всегда поддерживал в мальчике эту страсть и уверял, что необузданная любовь к химии приведет его от теории к практике. Горящие глаза Шона разглядывали блеклые картинки, которые наглядно демонстрировали процесс. Отец не жаловал увлечения сына. Он зачастую отвлекал его от чтения книг и забирал с собой на службу. Это были попытки поставить Шона на правильный человеческий путь, по мнению отца. Но, к его сожалению, они только больше закаляли в мальчике стремление к науке о веществах.

– Так теперь что? – поднялся с колен Симус.

Шону льстило, что он руководил Сумисом. Будто он обуздал упрямого норовистого коня и теперь с уверенностью сжимает в руках поводья. Это чувство будоражило его сознание и все больше усиливало желание осуществить задуманное.

– Так, теперь необходимо переложить массу в целлофановый пакет, чтобы изолировать ее от влаги. Это позволит оградить его от преждевременной детонации, если вдруг что-то пойдет не так, – с умным видом добавил Шон.

– Ты сказал: она сработает тогда, когда мы этого захотим, – обозлился Симус.

– Все верно, дружище, но может произойти все, что угодно. Даже малейшее повреждение или неблагоприятные погодные условия при хранении могут...

Симуса немного нервировала ситуация, при которой Шон раздавал приказы. Отучившись в одной из престижных школ, а в дальнейшем получив отличное образование и в институте, Симус всегда грезил о месте начальника в отличной процветающей компании. Учился он из рук вон плохо и большую часть жизни провел в кутеже, выпивке и наркотиках. Легкая жизнь, благодаря его отцу, чья маленькая империя по добыче цинка, свинца и серебра, процветала день ото дня. Процветала до того самого момента, пока власть не решила изъять большую часть земель. Прекрасные дни беззаботной жизни Симуса были окончены. Всегда стремившийся к лидерству, он не был готов к жизни обычного подчиненно-

го. Ему был противен этот долгий и сложный путь наверх. С тех самых пор он возненавидел новое правительство. Главной целью Симуса стало всеми силами вернуть все то, как ему казалось, несправедливо отнятое у него.

– Где эта штука?

– Штука? Ты имеешь в виду пластит, – засмеялся Шон, что еще больше разозлило Симуса, – я все приготовил. Все присоединил, достаточно будет позвонить на телефон и словно по щелчку пальцев...

– Дай, сюда, – пробурчал Симус.

Алюминиевый корпус закрылся. Симус поместил его в большой керамический горшок. Засыпав рыхлой землей свободное пространство, посадил фикус на свое прежнее место. Все тщательно утрамбовав, он еще раз проверил, нет ли чего подозрительного. С виду обычный горшок с фикусом, который стоит в сотнях офисных помещениях по всему городу. Никто не должен обратить внимания на столь повседневный элемент декора.

Шон в это время убрал весь мусор, оставленный после Симуса. Несколько закрытых пачек аммиачной селитры остались благодаря Шону, который понимал, к чему может привести слишком большое количество раствора. Мы ведь не преступники. Все, чего хотел добиться он, так это запугивания. Крика о том, что мы существуем и мы не согласны с вашим правлением. Мы лишь хотим свободы для нашей страны, для наших детей, для нашего будущего. Шона ча-

сто избивали в школе, еще чаще в институте. Он никогда не сжимал кулаки, чтобы дать отпор. Страх еще большего наказания за то, что он посмеет ответить обидчикам, останавливал его. Терпение и самообладание позволили ему освоить химию настолько, что могли позавидовать профессора с многолетним опытом. Так почему же он должен отступаться от своих, как ему казалось, сильных сторон натуры. Как бы жестоко его не били по лицу, Шон всегда считал, что хуже отца никто и никогда этого не повторит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.